

В память о Валентине Григорьевиче Распутине мы публикуем фрагменты из его интервью разных лет и поминальные слова ведущих современных русских писателей.

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

Это начало начал – власть национального доверия. Россия, свалившись в заготовленную для неё яму, ушиблась жестоко, переломала кости, в её теле – травма на травме, но не убилась, поднять её можно. Антинародная политика властей привела к тому, что не только стали растаскивать государственные богатства, но и принялись уходить из государства люди, притом в массовом порядке. Я имею в виду не эмиграцию в Америку или Израиль, а устранение от своих обязанностей по отношению к государству, то есть эмиграцию внутреннюю. В избирательных списках эти люди присутствуют, но из агонизирующего государственного организма они вышли и живут только своими интересами, занятые собственным спасением. Это граждане автономного существования, сбитые в небольшие группы, сами себя защищающие, сами себя поддерживающие материально и духовно. Это как старообрядцы в прежние времена, не желающие мириться с чужебием нового образа жизни. Если бы удалось вернуть их на государственную службу, а для этого надо, чтобы власть признала и сказала им, что России без них нет, когда они убедятся, что положение меняется и государством управляют патриоты, то не смогут не влиться в самую деятельную и здоровую силу. Народ силён подъёмным, восходительным настроением, появившейся перед ним благородной целью. В России больше 80 процентов русских, надо, не боясь национализма, обратиться к их национальному чувству. От национализма культурного, озабоченного воспитанием народа в лучших (в лучших!) национальных традициях, никому опасности быть не может. Напротив, это – сдерживающее начало от агрессивности, которая сейчас, к несчастью, поразила весь мир. Что плохого, если мы учим: нельзя мне поступать дурно, ибо я русский.

1993

* * *

Зачем патриотизм? А зачем любовь к матери, святое на всю жизнь к ней чувство? Она тебя родила, поставила на ноги, пустила в жизнь – ну, и достаточно с неё, дальше каждый сам по себе. На благословенном Западе почти так и делается, оставляя во взрослости вместо чувства кой-какие обязанности.

Любовь к Родине – то же, что чувство к матери, вечная благодарность ей и вечная тяга к самому близкому существу на свете. Родина дала нам всё, что

мы имеем, каждую клеточку нашего тела, каждую родинку и каждый изгиб мысли. Мне не однажды приходилось говорить о патриотизме, поэтому повторяться не стану. Напомню лишь, что патриотизм – это не только постоянное ощущение неизбывной и кровной связи со своей землёй, но, прежде всего, долг перед нею, рвание за её духовное, моральное и физическое благополучие, сверение, как сверяют часы, своего сердца с её страданиями и радостями. Человек в Родине – словно в огромной семейной раме, где предки взыскуют за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он духовный оборвыш, любым ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце своём Родину, не запутается, не опустится, не озверееет, ибо она найдёт способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст.

1993

* * *

Родина – это, прежде всего, духовная земля, в которой соединяются прошлое и будущее твоего народа, а уж потом “территория”. Слишком многое в этом звуке!.. Есть у человека Родина – он любит и защищает всё доброе и слабое на свете, нет – всё ненавидит и всё готов разрушить. Это нравственная и духовная скрепляющая, смысл жизни, от рожденья и до смерти согревающее нас тепло. Я верю: и там, за порогом жизни, согревающее – живём же мы в своих детях и внуках бесконечно. Бесконечно, пока есть Родина. Вне её эта связь прерывается, память слабеет, родство теряется.

Для меня Родина – это, прежде всего, Ангара, Иркутск, Байкал. Но это и Москва, которую никому отдавать нельзя. Москва собирала Россию. Нельзя представить Родину без Троице-Сергиевой лавры, Оптиной пустыни, Валаама, без поля Куликова и Бородинского поля, без многочисленных полей Великой Отечественной... .

Родина больше нас. Сильней нас. Добрей нас. Сегодня её судьба вручена нам – будем же её достойны.

1996

* * *

Я понимаю себя и всегда понимал всё-таки как писателя русского. Советское имеет две характеристики – идеологическую и историческую. Была петровская эпоха, была николаевская, и люди, жившие в них, естественно, были представителями этих эпох. Никому из них и в голову не могло прийти отказываться от своей эпохи. Точно так же и мы, жившие и творившие в советское время, считались писателями советского периода. Но идеологически русский писатель, как правило, стоял на позиции возвращения национальной и исторической России, если уж он совсем не был зашорен партийно.

Литература в советское время, думаю, без всякого преувеличения могла считаться лучшей в мире. Но она потому и была лучшей, что для преодоления идеологического теснения ей приходилось предъявлять всю художественную мощь вместе с духоподъёмной силой возрождающегося национального бытия. Литературе, как и всякой жизненной силе, чтобы быть яркой, мускулистой, требуется сопротивление материала. Это не обязательно цензура (хотя я всегда был за нравственную цензуру или за нравственную полицию – как угодно её называйте!); это могут быть и скрыто противостоящие механизмы, вроде общественного мнения.

1997

* * *

Вот это сейчас опаснее всего – клеймить народ, унижать его сыновним проклятием, требовать от него нереального образа, который мы себе нарисовали. Его и без того непрерывно шельмуют и оскорбляют в течение десяти лет из всех демократических рупоров. Думаете, с него всё как с гуся вода? Нет, никакое поношение даром не проходит. Откуда же взяться в нём воодушевлению, воле, сплочённости, если только и знают, что обируют его и физически, и морально?..

Народ надо понять. Его все предали. В коммунизме он усомнился, потому что тот, владея огромной мощью, им же, народом, созданной, сдал себя без всякого сопротивления; brave генералы, патриотические басы которых действовали взбадривающе, принимались торговать народом, как дворовыми людишками при крепостничестве, прежде чем взлетали во власть; знаменитые выходцы из народа, прославленные на весь мир, вроде Михаила Ульянова и Виктора Астафьева, взяли сторону власти, которая откровенно отдала народ на закание.

Да и что такое сегодня народ? Никак не могу согласиться с тем, что за народ принимают все население или всего лишь простонародье. Он – коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, вручённые нации при рождении. А руда редко выходит на поверхность, она сама себя хранит до определённого часа, в который и способна взбугриться, словно под давлением формировавших веков.

Достоевским замечено: “Не люби ты меня, а полюби ты моё”, – вот что вам скажет народ, если захочет удостовериться в искренности вашей любви к нему”. Вот эта жизнь в “своём”, эта невидимая крепость, эта духовная и нравственная “утварь” национального бытия и есть мерило народа.

Так что осторожнее с обвинениями народу – они могут звучать не по адресу.

Народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлечь за собой многих. Всё, что могло купиться на доллары и обещания, – купилось; всё, что могло предавать, – предало; всё, что могло согласиться на красиво-унизительную и удало-развратительную жизнь, – согласилось; всё, что могло пресмыкаться, – пресмыкается. Осталось то, что от России не оторвать и что Россию ни за какие пряники не отдаст. Её, эту коренную породу, я называю “второй” Россией в отличие от “первой”, принявшей чужую и срамную жизнь. Мы несравненно богаче: с нами – поле Куликово, Бородинское поле и Прохоровское, а с ними – одно “Поле чудес”.

1998

* * *

Я склонен считать, что ни одного патриота, то есть человека, гражданина, способного выработать в себе любовь к исторической России, но не выработавшего её по недостатку нашей агитации, мы не потеряли. Патриотизм не внушается, а подтверждается – многого ли стоили бы мы, если бы нас нужно было учить думать и говорить по-русски! Я не знал слова “патриот”, но сизмальства нёс в себе благодарность родной земле за своё рождение и за свою принадлежность к русскому народу. Убить эту благодарность можно было только вместе со мной.

1998

* * *

Национальную идею искать не надо, она лежит на виду. Это – правительство наших, а не чужих национальных интересов, восстановление и защита традиционных ценностей, изгнание в шею всех, кто развращает и дурачит на-

род, опора на русское имя, которое таит в себе огромную, сейчас отвергаемую силу, одинаковое государственное тягло для всех субъектов Федерации. Это – покончить с обезьяньим подражательством чужому образу жизни, остановить нашествие иноземной уродливой “культуры”, создать порядок, который бы шёл по направлению нашего исторического и духовного строения, а не коверкал его. Прав был Михаил Меньшиков, предреволюционный публицист, предупреждавший, что никогда у нас не будет свободы, пока нет национальной силы. К этому можно добавить, что никогда народ не будет доверять государству, пока им управляют изворотливые и наглые чужаки!

От этих истин стараются уйти – вот в чём суть “идейных” поисков. Политические шулеры всё делают для того, чтобы коренную национальную идею, охранительную для народа, подменить чужой национальной или выхолостить нашу до безнациональной буквы.

1998

* * *

У меня впечатление, что молодёжь – то как раз не “вышла” из России. Вопреки всему, что на неё обрушилось. Окажись она полностью отравленной и отчуждённой от отеческого духа, в этом не было бы ничего удивительного, потому что от начала “перестройки” она выростала в атмосфере поношения всего родного и оставлена была как государственным попечением, так и попечением старших поколений, которые разбирались между собой и своими партийными интересами.

Из чего я делаю эти выводы? Из встреч с молодёжью в студенческих и школьных аудиториях, из разговоров с ними, из наблюдений, из того, что молодые пошли в храмы, что в вузах опять конкурсы – и не только от лукавого желания избежать армии, что всё заметней они в библиотеках. Знаете, кто больше всего потребляет “грязную” литературу и прилипает к “грязным” экранам? Люди, близкие к среднему возрасту, которым от тридцати до сорока. Они почему-то не умеют отстоять свою личность. А более молодые принимают национальный позор России ближе к сердцу, в них пока нетвёрдо, интуитивно, но всё-таки выговаривается чувство любви к своему многострадальному Отечеству.

Молодёжь теперь совсем иная, чем были мы, более шумная, открытая, энергичная, с жадной шире познать мир, и эту инакость мы принимаем порой за чуждость. Нет, она чувствительна к несправедливости, а этого добра у нас – за глаза, что, возможно, воспитывает её лучше патриотических лекций. Она не может не видеть, до каких мерзостей доходят “воспитатели” из телевидения, и они помогают ей осознать своё место в жизни. Молодые не взяли на себя общественной роли, как во многих странах мира в период общественных потрясений, но это и хорошо, что студенчество не поддалось на провокацию, когда вокруг него вилась армия агитаторов за “свободу”.

Ещё раз повторю: сбитых с толку и отравленных, отъятых от родного духа немало. Даже много. Но немало и спасшихся, и спасающихся, причём самостоятельно, почти без всякой нашей поддержки. Должно быть, при поддержке прежних поколений, прославивших Россию.

1998

* * *

Никакого врожденного антисемитизма у русских быть не может, если не принимать за антисемитизм их национальность. Когда евреи находятся на одном уровне жизни и отношений с русскими и другими, к ним не может быть и настороженности: вместе работаем, вместе мыкаем горе. В этих условиях, в условиях круговой разрухи, помощь друг другу естественна, она не имеет ничего общего с круговой порукой, как на более высоких уровнях власти и влияния. Вот там, на более высоких уровнях, реваншизм, притом грубый, откровенный, налицо – словно один народ и создан для власти, а второй –

для подчинения, один – судья, второй – подсудимый, один изначально несёт в себе победу, второй – поражение.

Помните, в 1989–1990-х годах не однажды назначались даты еврейских погромов? Их не было и быть не могло, зато по окраинам бывшего Советского Союза прокатились русские погромы. Кого боялись евреи, напуская оглушительный шум по поводу якобы готовящегося избиения? Боялись васьинской “Памяти”? Да чепуха, они прекрасно знали, что Д. Васильев не опасен, что скоро запутается он в трёх соснах и сойдёт на нет. А шум нужен был, чтобы, что называется, голыми руками в накалённой обстановке таскать из огня каштаны. Когда шум, наконец, умолк и дым рассеялся, прежнего государства уже не существовало, зато явлены были миру образы Березовского, Гусинского, Смоленского, Чубайса, Немцова и других, захвативших власть. Тут можно было бы привести множество циничных откровений по поводу этой победы, а также спеси и презрения к нашему народу. Кто же кого должен бояться? И разве неверно, что там, где кричат об антисемитизме, нужно искать русофобию, стремление к окончательной победе, чтобы и писка нашего не возникало.

1999

* * *

Ощущение резервации, куда загнана русская культура, остаётся. Скромно и незаметно отпраздновали столетие Леонида Леонова и столетие Андрея Платонова. Последнего демократия 80-х годов эксплуатировала нещадно, но замазать его национальное нутро не смогла и теперь в почестях отказала. А Леонов для духовной родни Грацианского всегда был чужим, его даже на время нельзя было присвоить. Отсюда и вполне объяснимое отношение.

Но знаете, я не вижу в этом трагедии. Несправедливость – да, бессовестная подмена значимости литературных имён – да, жесточайшая цензура в отношении к “своим” и “чужим” – да; но Леонова, эту глыбу, эту высоту русской словесности, Приставкиным или Аксёновым всё равно не закрыть. Можно пулять ими по Мастеру, но ему от этого ничего не сделается, а легковесные снаряды пострадают. И пусть Окуджаве открывают хоть десять музеев, но если нет музея Леонову или Платонову, все окуджавские музеи недействительны и нравственно несостоятельны. Литература (а тут речь надо вести и обо всём искусстве!) – не тайга, где звери, захватывая чужую территорию, метят её, ну, скажем мягко, своим духом. В литературе величие назначается по таланту и по сделанному не для так называемой элиты, а для народа.

2000

* * *

Они и не могут поступать иначе. Захватили в свои руки богатейшую страну, захватили мощнейшее оружие воздействия на массы – ясно, что они будут пользоваться этим оружием до последнего часа, чтобы удержать власть. И русская культура для них, пусть даже и в дозированном виде, – это ослабление их идеологии.

На чём держится их идеология? Да ни на чём, кроме эгоизма, чистогана и ненависти к исторической России. Может ли на этом долго продержаться государство с огромными запасами культурного и духовного богатства, то есть может ли оно держаться на самоотрицании? Нет, не может. Большевики в 1917-м поняли это быстрее, чем либералы в 1991-м. Наши либералы, быстро переродившиеся в радикалов, попали сейчас в ловушку: и без исторической России им не продержаться, и национальную Россию позволять опасно. Они бы хотели разделить её, историческую и национальную, но это тем более невозможно.

2000

* * *

Это — знакомая порода людей, известный психологический тип. России стало трудно, потребовались воля, терпение, подвижничество, даже мученичество, чтобы жить в ней, на подвижничество и мученичество они не способны — отсюда и прибавление к этому типу. Сначала они отказываются от немогущей матери (не публично, но в душе: “Она уже ни на что не годится, без неё мне было бы удобней”), потом — отказ от ослабевшей в несчастьях Родины, а затем, перевези их завтра в Америку и не придется она им по душе, ибо, конечно же, Америка не произведёт их в герои и нянчиться с ними не станет, — затем проклятия в адрес всего мира и — “пусть на месте всей земной суши образуется бездонный океан”!

Конечно, объяснить этот сорт людей можно, но понять и принять их присутствие среди нас очень трудно. Иное дело — духовные чужаки, захватившие в России власть и занятые перестройкой её по своим потребностям. Они всё делают для того, чтобы оболгать Россию, опорочить её прошлое, оклеветать народ, вызвать в нас, простодушных, неприязнь к своему родительскому миру. Тут война, самая настоящая война, пока идеологическая, духовная, в которой поношение России стало оружием растления. Всё ясно. На войне — как на войне. Но надо иметь какой-то уж очень тяжёлый душевный изъян, какое-то уж очень слабое притяжение к родному, чтобы, будучи русским по рождению (да и татарин, башкиром, якутом тоже), с таким бешенством восстать даже против самого факта существования России. Бог с ними, у них будет свой крест. Россия от подобного новодиссидентства пострадать не может. У неё, надо думать, на этот случай сделаны запасы. Массового исхода из неё, пока она остаётся собою, не предвидится, а не любящим её, сморщившим своё сердце от идеала чужого рая, — туда и дорога.

2000

* * *

Идеализировать советский период не надо, тягот, происходящих из твердолобой идеологии, не желавшей поступиться ни одной буквой, хватало. За это и поплатился коммунизм, получив Горбачёва. Но социальные завоевания будут долго ещё нам сниться, как чудный сон. Да и, кроме того, как можно отвергать целую историческую эпоху, в которой страна добилась невиданного могущества и стала играть первую роль в мире?! Это так же недостойно, как полностью отвергать предыдущий, монархический, период, который длился сотни лет, выстроил империю в самых обширных границах, а народ наш выстроил в такой духовной “архитектуре”, что в красоте и тайне своей она не постигнута до сих пор! И это она дала Достоевскому право заявить о всемирности русского человека и вывести её, всемирность, из национальных качеств. Но и в том, и другом случаях, как в случае с империей, так и с коммунизмом, обе системы рухнули, прежде всего, от внутреннего разложения. Самые талантливые и верные защитники монархии на исходе её — М. Меньшиков, Л. Тихомиров, В. Розанов — в голос вынуждены были признать: “прогнившее насквозь царство”, “отшедший порядок вещей”, “монархия разрыхлилась”. Последние дни коммунизма проходили на наших глазах; мы свидетели того, что он не мог себя отстоять ни единым решительным действием. Как в том, так и в другом случаях обновление было необходимо. Но было необходимо обновление, а не полное разрушение и полное противопоставление. Не общественное бешенство, не расправа с тысячелетней традицией, равно как и с лучшим из последнего перед “рынком” строя. Силы, ввергнувшие Россию в катастрофу, известны, они сейчас жируют и насмеются над нашей неспособностью извлекать уроки. Известен и тот “вол”, которому вновь предстоит из последних сил вытягивать страну из пропасти, — народ наш, ему никак не дают выбраться из непосильной истязки. Мы твердим: национальное, национальное... Не было в XX веке национальной политики в отношении к русскому человеку, и всё “передовое человечество” призвали сейчас, чтобы не было её и в XXI веке.

2001

* * *

Индивидуализм – психология западного человека, она выстраивалась долгое время и создала вокруг себя особый мир, служащий ей особой верой и особой правдой. Не будем сейчас его обсуждать, пусть считается, что он хорош там, на его родине, но нам эта психология не может быть полезной, ибо мы устроены по-иному. У нас своя вера и своя правда. Без литургии, как мирской, так и церковной в значении общей, хоровой службы, мы бы уж сотню раз пропали.

Постараемся же выжить и на этот раз, держась друг друга, друг другу помогая, спасаясь соборными нравственными законами.

2001

* * *

Русский язык может быть спасён лишь в том случае, если видеть в нём не только средство элементарного общения, но и путь познания себя и своего народа, его психологии, этики, морали, веры, исторической поступи и, в конце концов, его души. Как народ выговаривает себя в устной и письменной речи, того он и стоит. Обезличенный народ скажет о себе немного. Если бы мы задалась целью самоспасения, нам бы и в голову не пришло изгонять из школы родной язык и литературу! Нам бы, напротив, потребовалось расширить их познание, потому что все остальные науки могут ложиться только на этот фундамент.

2002

* * *

Смею предположить, что процентов на восемьдесят теперешняя деятельность тянет ко дну, развращает и начальников, и подчинённых, обедняет страну и народ, создаёт атмосферу всеобщего надувательства и беззакония. Не будем уж задевать “грехи” толстовских времён, с которыми совесть не должна соглашаться, вроде производства табака и водки... Теперь много чего появилось новенького и необычайно приткого. Так много, что не знаешь, с чего и начать. Ну, вот, к примеру, всякие посреднические фирмы, опутывающие липкой сетью в несколько рядов весь путь от производителя к потребителю и паразитирующие на этих махинациях... А сколько их у нас поразвелось – всяких липовых контор, подставных фирм, банков-миражей, якобы гуманитарных фондов, обществ!.. Одно перечисление способно вогнать в грех, а ведь все они действуют, дурят нас, ошипывают страну, как жертвенную курицу! Миллионы самых крепких молодых людей с утверждением криминального порядка ушли в охранную службу, чтобы защищать этот порядок. А десятки миллионов, вынужденных заниматься “купи-продай” – делом, которое в нашем народе никогда не пользовалось уважением! А “демократические” выборы на всех уровнях, вбирающие в свою орбиту опять же миллионы готовых перегрызть друг другу горло!.. И так далее, и так далее, и ещё много раз “и так далее”... Огромное это “чёртово колесо”, обдирая своими гигантскими лопастями Россию от начала и до конца, крутится безостановочно со все нарастающим аппетитом.

Теперь наш мужик вынужден кормить не трёх генералов, а три сотни, как не больше, дармоедов. Когда бы погнать хоть половину дармоедов, а мужику вместо водки дать работу, это и была бы, я думаю, самая надёжная “концепция” спасения России. Если же всё оставить, как есть, замирая в испуге и благоговении перед могущественным словом “рынок”, всякая другая “концепция” неминуемо превратится в форму ещё одного дармоедства и паразитирования.

2003

* * *

Мне приходит на память случай, рассказанный на Афоне. Кто не знает: Афон – это тысячелетняя монашеская республика двадцати православных монастырей, в том числе нашего, Свято-Пантелеймонова, в Греции. Случай этот настолько поразительный и поучительный, что его и поныне помнят хорошо, хотя и произошёл он в конце XIX столетия, и он попал в одну из книг вместе с фотографией, удостоверяющей его, так сказать, наглядно.

Суть в следующем. Игумен монастыря, отлучаясь с Афона надолго, благословил эконома на строительство больничного корпуса внутри монастыря. Эконом с благословением не посчитался и выстроил больницу вместе с мастерскими вне монастырских стен, на берегу моря. Ослушничество его можно объяснить тем, что в миру он был человеком богатым и принёс в монастырь немалые средства, а потому считал себя на особом положении.

Вернулся игумен и потребовал отчёта: благословение в монастыре – закон незыблемый. Эконом, считая себя правым, накричал на игумена. Разругались вдрызг. Вскоре пришло время игумену покидать этот свет, и он стал призывать эконома для примирения. Раз позвал, другой – эконом не идёт. Игумен скончался, а вскоре скончался и эконом. Похоронили его подле стены храма. А на Афоне такой обычай: через три года после похорон могилу вскрывают и кости почившего, если они очистились, изымают из земли, обмывают и устраивают на полках в особом помещении, которое называется костницей. Вскрыли через три года могилу, а там неразложившийся черный труп, чернота от которого, точно в размер тела, пошла, как от пала, по каменной стене до самого верха. Зарыли быстро и принялись молиться об отпущении грехов. Ещё через три года вскрывают могилу – та же самая картина. Не принял Господь грех этого ослушника, пришлось монахам вывозить останки эконома в море и вываливать в волны.

А ведь всего только послушание, всего только отказ от примирения! И такая кара! Какая же в таком случае должна быть кара для тех, кто самочинно и преступно, преступив все человеческие и Божьи законы, принялся на свой манер “выстраивать” огромное государство, кто обрушил его, испоганил и обрёл на издевательства и страдания миллионы и миллионы! До каких высот должен подняться чёрный столб, смердящий этими “экономами” и впечатывающий в вечность их чёрное дело! Если даже быть отпетым атеистом и не верить в Божье наказание, то и тогда проклятия им, ельциным, гайдарам, чубайсам и абрамовичам, столь многочисленные и солидарные проклятия – разве не трансформируются они в энергетическую силу, способную навести справедливость! Не может этого быть, чтобы сошло как ни в чём не бывало! Не надейтесь, господа нехорошие!

2005

* * *

С мясом, с кровью содрали Россию с её днища, бросили клич: обогащайся кто и как может! – и разбоем прошлись по городам и весям, всё уворовали, разбомбили, даже и то, что считалось Божьим, припасённым для будущих поколений. Всё растащили, по новым законам присвоили – и негде стало приложить человеку руки. Совсем негде, хоть обрубай их. Вся карусель жизни построилась на торговашестве чужого товара, попала в зависимость от бандитов и бандитских законов.

Несоответствие внутреннего своего и внешнего чужого, прямая противоположность, с одной стороны, нравственных, а с другой – практических мерок, разрыв личностного с общественным – это самое горькое, что постигло наш народ и Россию за всю её историю. Такого не бывало и при Орде. Там, откуда исходит подобная политика, прекрасно понимают, что этого соответствия своего чужому никогда и не добиться, а потому безжалостно разрушают.

2005

* * *

У меня такое ощущение, будто народ всё больше и больше отслаивается от государства, подобно коре на дереве, которое не заглублено в почву. Много безработных, но есть и работающие, однако и они не чувствуют себя уверенно, потому что ствол государственности расшатан и хоть и пытается клониться в родную сторону, да ветры всё решительней отшатывают его в чужую. Всё носит “погодный”, временный, ненадёжный, вопросительный характер: что спасём и что развеём по ветру? Что обратим в пользу и что во вред? Народ, а вернее — сохранившиеся остатки народа, который ещё недавно был единой твердыней государства, не доверяет власти, власть смотрит на него, как на социальную головную боль, для которой все средства хороши, лишь бы её снять. А потому то выдумает ипотеку, которая и звучит как обманка, подобно приватизации, то ещё что-нибудь, и разучилась говорить с народом на одном языке. Между народом и властью нет уже ни кровного, ни духовного родства. Это не только разные общественные классы, но и разнонаправленные, разноязыкие, друг друга понимающие плохо, с противоестественными и корыстными, как у Абрамовича с Чукоткой, попытками братания. И сближения, и понимания между ними не может быть до тех пор, пока одни не перестанут смотреть на Россию как на постылую жену и бегать за утехами к любовницам, а другие в Отечестве своём не сбросят с себя клеймо изгоев.

2006

* * *

Ещё лет двести назад слова “пошлый”, “пошлость” относились к прошлому, к тому, что пришло из старины и само по себе имеет вполне симпатичный смысл, с оттенком, правда, наскучившего, надоевшего. Но уже В. И. Даль аттестует пошлость как неприличие, грубость, низость, подлость. Однако по-прежнему в положении пережитка прошлого, обречённого на исчезновение. И вот теперь, воспользовавшись образовавшейся в культуре и нравах пустотой, пошлость из заднего положения переметнулась в переднее и во всё своём распухшем безобразии явилась с той стороны, где будущее. И претендует не на скромную роль в жизни, а на полное господство. И не без успеха: ей поклоняются и короли, и президенты, и банкиры, и секретарши, и господа, и слуги.

2007

* * *

Возраст такой, когда лучше находиться наедине с самим собой. Но я слежу за тем, что происходит в мире. Время, в которое мы заступили, можно назвать и подлым, и низким, и отступническим от вечных человеческих ценностей. И таким, и сяким из того же рода гибельных понятий.

Но если свести вместе все открывшиеся перед нами бесстрастные истины, откровения сильных сего мира и наши собственные предчувствия — едва ли можно сомневаться, что мир сдаётся на милость всевластного и всепоглощающего порядка, который уже не находит нужным скрывать своё оправдание зла, и всё, вынужденное прежде скрывать себя, выставляется с триумфом на царство.

Отсюда и борьба за Россию, которую только слепые принимают за наше внутреннее дело, и не видят, что крушение России подготавливалось давно и проводилось планомерно. Что теперешние демократические радения во имя якобы цивилизованной жизни — это дурно исполняемое действо перед жертвоприношением. Отсюда и ложащиеся на плечи русского человека бремена, каких ещё не бывало, отсюда его предстояние перед окончательной судьбой. Не завтра, а сегодня наступила решительная проверка, чего мы стоим. Остались ли ещё в нас столь прославленные прежде мужество, стойкость, умение

усилиться в каждом за десятерых и встать неодолимой дружиной, а главное – это испытание крепости нашего национального чувства, о которое в последние годы мы поистерли языки, но не имели возможности удостовериться, во что оно от подобных трудов возросло.

Тут нет необходимости разяснять, что такое национальное чувство. И на каких условиях оно, целительное для нас, не может быть подозрительным никакому другому народу. Но есть смысл повторить, что без него народа не бывает, без него народ выпрягается из общего человеческого тягла и превращается в насильническую массу, где каждый озабочен лишь собственным животом и каждый строит в своём доме крепость против всего остального мира.

Потому и подошло человечество к сегодняшним трагическим нравственным рубежам, что национально оно всё больше ослабевает и духовно остывает. Очередь – за нами. Нас ослабляют друг против друга – не озлобимся, а сойдёмся вместе, нас пугают – не испугаемся... Нас бьют по рукам, чтобы мы опустили руки. Не опустим...

2014

“ПРОСТИ, ЧТО СЛОВ ЗАВЕТНЫХ НЕ ХВАТАЕТ...”

На смерть В. Г. Распутина

ОТОГРЕВАЯ ДУШУ

Ушёл из жизни... Но эта фраза к Валентину Григорьевичу отношения не имеет: он в жизни сегодняшней остаётся книгами, словом, образом своим, той незаметной, не пиарной одухотворённой своей сутью, которая пронизывала душу многих тысяч его соотечественников.

Ещё один итог, после того как завершилось прощание с ним России в храме Христа Спасителя, Знаменском соборе Иркутска. Распутин оставил нам Программу жизни. Нет, не программу политической партии или движения с пунктами и параграфами для выполнения, а то сокровенное слово и непреклонную мысль о совести, истине, справедливости, человеческой взаимопомощи и дружбе, бережении памяти о прошлом, о традициях семьи и страны, о земле родной, дальней и близкой, о спасении природы.

Понятно, Валентин Григорьевич не только писатель, он и безусловный любомудр, мыслитель, энциклопедист, заинтересованный исследователь земли, истории, открытий, утверждающий истину и собирающий ядро фактов для размышлений. Он великий Гражданин России.

Десять лет назад мы с ним, академиком А. Деревянко и другими энтузиастами обратились к властям с предложением о выпуске стотомной антологии художественной, исторической и фольклорной жизни Сибири под названием “Сибириада”, где разработали довольно убедительный проект этих сокровищ из всех сибирских земель, областей, республик. Проект рассматривался долго, некоторые из губернаторов его даже признали, но всегда есть причины, чтобы не осуществлять большое и важное дело. Отодвинули на три года, на пять лет, а там уже идея иссякла, только мерцала. Валентин Григорьевич, считай, в оди-

ночку принялся его осуществлять. Его “Сибирь, Сибирь”, очерки, мысли, труды о Байкале стали подлинно энциклопедическими, академическими и художественными исследованиями Сибири. Тюмень, Алтай, Красноярск, Якутск, Омск, Ханты-Мансийск раскрывали его взору то, о чём Ломоносов говорил ещё раньше, как о прирастающем богатстве России. Люди, лес, нефть, наука Сибири, история края неусыпно и неустанно исследовались. Он прошёл Сибирь своим художественным взором от её больших и малых гор до дна Байкальского озера. Помню, как на дне моего рождения легендарный полярник Артур Чилингаров, только что побывавший на дне океана на макушке земли – у Северного полюса, – полушутя, полусерьёзно сказал: “Предлагаю опуститься в батискафе на дно его любимого Байкала Валентину Распутину!” Было немного страшновато, но Валентин сразу согласился. Он любил постигать все глубины.

Да не только Сибирь – вся Россия была под его присмотром. В 1987 году в художественной мастерской Юрия Селивёрстова мы с В. Распутиным, Г. Свиридовым, В. Севастьяновым и др. сочинили и подписали немного декларативное, но необходимое письмо, как толчок в Совмин о передаче Оптиной пустыни (монастыря и его земель) Русской Православной Церкви, в том числе и как святое место нашей литературы и культуры. Через некоторое время последовал звонок из ЦК партии: “Вопрос решён, передайте Распутину и другим”. Под его присмотром было Куликово и Прохоровское поле, Сталинград, где он бывал, о чём он пёкса и писал, обращаясь к гражданам, властям, молодёжи: беречь эти места славы Родины. А история, памятники, славные места, казалось, все были связаны с ним. Древний и славный Елец – тут он крестился, Краснодар – поддерживал казачество, Валаам и Псков – где молился об укреплении страны, всех людей, Тирасполь – где встречался с соотечественниками. Он написал мне предисловие к историческому повествованию “Росс непобедимый” о выходе России в Европу через полуденное южное окно, создание Черноморского флота, об освоении Причерноморья как подвиге, равном освоению Сибири. Осмысливая место святого адмирала Фёдора Ушакова, Валентин проявил недюжинные знания в истории России XVIII века, в создании Россией Новороссии, история которой сейчас снова стоит на повестке дня. Он как бы прозревал это время. Его взгляд был, как пронзительный мыслительный щуп, касающийся прошлого, настоящего и будущего.

Назову одно его размышление о будущем славянстве. Направляясь в 2001 году вдоль России на свой знаменитый пленум Москва – Владивосток, мы (Союз писателей, РЖД, газета “Гудок”) выпустили блестящий двухтомник сочинений В. Распутина, которым в полном смысле “засеяли” города, городки, станции Сибири. В этом двухтомнике было его размышление о славянах. Обратите внимание, как актуальна и горестна его статья, напечатанная там, – “Что дальше, братья славяне?”, – написанная в 1992 году. Валентин Григорьевич как бы отталкивается от известной мысли Ф. Достоевского: “По внутреннему убеждению моему, не будет у России и никогда не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как эти славянские племена. Чуть только Россия их освобождает, а Европа согласится признать их освобождёнными... Особенно приятно будет для освобождённых славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская... северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации”.

Валентин Григорьевич тщательно рассмотрел все последствия этих слов и наблюдений великого писателя и подтверждает их в наше время. Он говорил ещё в 1992 году о надвигающейся мировой опасности, когда народы, по причине мелкости своих вождей, начинают искать врагов особенно в тех, кто рядом, в своих соседях. Он с горечью отмечает, что в Европе “вытаптываются” следы всего русского. Он видит успешные усилия у нас в создании “океана” человеческого планктона. И умелые наши противники до того нагрели атмосферу, что “во всех бедах оказался виновен проклятый москаль”.

Распутин негодует и на славянское самоедство. Он говорит осторожно и предостерегает от раскола и противостояния великороссов, малороссов, белорусов. К сожалению, его пророчества и опасения явлены нам сейчас. Эх, если бы читали эти строки и делали вывод власть и интеллигенция, да и весь народ, может быть, не было бы такой катастрофы с Украиной, как сегодня...

Можно сказать, что его творения обращены к душе.

Порушив великую державу, князь тьмы не успокоился. Один из чудовищных его вещателей провозгласил, что вот ныне главная опасность для жёлтого дьявола — Русская Православная Церковь, и на неё следует обрушить всю мефистофельщину сегодняшнего дня. Также с полным основанием он мог бы присоединить к своим врагам и русскую душу, которая ниспослана нашему народу свыше. И этой душе посвятил себя Распутин. Она в жертвенном стоянии старух-тружениц Матёры, в их желании уберечь гнездовище, в покинувшей жизнь Настёне, и в не заработавшей мучениями счастье, в иррациональном созидательном порыве строящей свою Избу Агафье. У всех его незаметных героинь душа беспокойна и совестлива, их тревожит, что “совесть истончается”.

Валентин Григорьевич и есть “сбережитель”, хранитель этой души, ибо её, уставшую и замёрзшую, он брал в свои руки, дышал на неё, отогревал и радовался её оживлению, и выпускал к нам в мир, на волю, как благовещенскую птаху. И вдруг оказалось: безропотные и чистые старухи — все эти Анны, Дарьи, Настёны, Алёны — стали на пути Зла и Бессовестности. С ними и другими героями повестей и рассказов Валентина Распутина мы и вошли в XXI век. У нас есть Вера, Душа, Совесть, и значит, вечна Россия, вечен её народ, значит, не покинута она Богом.

Валерий ГАНИЧЕВ

* * *

Распутин поставил проблему русского народа, измученного государством, истерзанного. Государство строило себя для русского народа, защищая его от возможных нападений, войн, истребления. Но в то же время строило и за счёт русского народа. А русский народ во время этого государственного строительства, которое происходило в стройках и чудовищных сражениях, израсходовал себя. Надорвался. И в этом огромная мировоззренческая драма Валентина Распутина. С одной стороны, он понимал, что без Советского государства русский народ бы погиб, с другой — видел, как под бременем этого мощного колосса русские чахли и расходовались. И этот русский фактор, как он был сформулирован Распутиным в недрах советского строя, остаётся актуальным и сейчас. И по-прежнему является нерешённым. Решать его придётся государственным мужам нового поколения и художникам следующей литературной генерации.

Александр ПРОХАНОВ

* * *

Он всегда говорил только правду — нелицеприятную для власть предержащих правду. В самый разгар постперестроечной трагедии он сравнил Россию с Золушкой, которую ведут на бал Сатаны.

Распутин никогда не воевал с системой. Из самых благих побуждений он даже стал членом горбачёвского Президентского совета, и это было одним из самых сильных его человеческих разочарований.

Он первым с высокой трибуны обозначил угрозу со стороны новоявленной пятой колонны. Как говорил П. Столыпин, “Вам нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия”. И только большой писатель смог так непротиворечиво сблизить исторические смыслы именно в момент распада великого Советского Союза, защищая идею целостности той страны, которую горячо любил.

Он был убеждённым традиционалистом. Защитить, оградить и сохранить — это были главные принципы его гражданской позиции.

Советская власть заслуженно отмечала его высокими государственными наградами. Писательское сообщество искренне возвышало его имя литературными премиями. Новая власть, не скрывая сдержанности, отдавала должное его уникальному таланту и гражданской неподкупности. Сам же Распутин никогда не падал в звёздность. Его волновали иные, высшие смыслы и заботы.

Молчаливый, сдержанный, застенчиво-скромный, он был способен яростно защищать свой Байкал — главный источник его вдохновения.

Байкал был его особой любовью, его возвышенной поэмой. Его поручением. Его послушанием. Он любил его и нёс, как несут крест, — с монашеским смирением. Но это было смирение воинственных Пересвета и Ослиби: до первой опасности, а дальше — оружие в руки и в бой. Именно за это внутренние враги России нанесли ему невозполнимые физические увечья. Он выстоял!

Вот почему мы не прощаемся с Валентином Распутиным. Отныне и всегда главные ориентиры и ответы на самые трудные вопросы мы будем искать в его тревожной, поучительно неразвлекательной прозе, в его отчаянно честной и горестной публицистике. В главном поступке всей его жизни — любить Россию наперекор всему и превыше всего.

Геннадий ЗЮГАНОВ

* * *

В октябре 1993 года плыли писатели на пароходу по Средиземному морю, тесно общались. Не помню существа разговора за обедом, но не забуду реплику Владимира Алексеевича Солоухина: “Ну-у, Распутин ведь великий русский писатель”. Мы легко порой сеем дары словесные. Но почоть строгого Солоухина Распутину понятна и закономерна. Это так. Всё нравственное, гражданское поведение Валентина Григорьевича и его традиционно великое художество в повестях “Последний срок” и “Прощание с Матёрой” — в высоком ряду лучших людей России прошлого, в ряду классиков русской литературы. После смерти Л. М. Леонова кто у нас остался как народная веха, как страж русского “Ковчега Завета”? Солоухин — мудрец, он в понимании сущности искусства и русского художественного подвига — зубр. И я часто вспоминаю тот вечер на морском просторе, где-то возле греческого острова Крит, и эти слова, поразившие меня “верной точкой отсчёта”.

Россия никогда не перестанет нуждаться в таких писателях, как Распутин. И появился он не случайно, и не случайна его народность. В разгромные для нашей страны годы все почему-то считали позицию писателя В. Распутина политической. А это просто состояние его совести. Русская совесть не делится надвое (*нашу и не нашу*), ей не обрезают крылья ни бурное время, ни обязательная для бессовестности “революционная целесообразность”. Одни и те же люди хмыкали в 70-е годы и хмыкают сейчас: они, рыночные американцы, так и не доросли на своей же земле (в России) до нераспятого русского чувства, до любви и благодарности к деревенским ребятишкам (у нас в Сибири говорили — “огольцам”, это лучше лагерных “пацанов”), так вот к ребятишкам-огольцам, ставшим в зрелом возрасте скорбными певцами народной жизни. В эпоху, когда многие наши соотечественники отпали от России, В. Распутин жил душой в её тысячелетнем лоне. Если попозже, среди наследников, такие серьёзные корневые писатели не взойдут, то это значит, что Россия потеряла свою русскую античность и оборотилась в незаметную, пристыженную прошлым величием Грецию.

Последний раз я видел его в октябре 2013 года на съезде писателей России в Калуге. Затем — с В. Крупиным и В. Потаниным — навестил я его дома. Было такое ощущение, что мы из одной семьи. Пообедали, сфотографировались и в сопровождении жён Крупина и Потанина пошли в Союз писателей на Комсомольский проспект, 13. Там буднично потолкались, и я не помню, как попрощались и разошлись. Всегда ведь думаешь, что впереди ещё будет время встретиться.

**Виктор ЛИХОНОСОВ,
г. Краснодар**

* * *

Часто душа моя повторяет сокровенные распутинские слова: “Мы все на этой земле, при любых должностях и званиях, временны. Вечна Родина...” И вот пришли дни, когда Родина прощается со своим сыном, великим Писателем, хранителем нашего русского Слова. Но я уверен, убеждён даже,

что прощание это будет долгим, почти бесконечным, а может быть, и не закончится никогда, потому что всегда будет жива читающая Россия – Родина наша...

И вдруг я вспомнил один свой давний разговор с другим великим русским человеком – литературным критиком Юрием Селезнёвым. Помнится, мы говорили тогда о Достоевском, о его сибирской ссылке, и неожиданно Юрий Селезнёв задумчиво произнёс:

– Какие все-таки необъятные слова – Россия, Сибирь. Здесь и Ермак, и знаменитый сибирский характер...

– Почему знаменитый? – вырвалось у меня.

– А потому, что особый, закалённый, выносливый. – Он на секунду задумался, стал разминать сигарету. Глаза стали печально-серьёзные:

– А давай вспомним сорок первый, бои за Москву. Какие были страшные дни и недели! Но вот пришли из резерва сибирские полки и спасли положение. А потом гнали врага до Берлина... – Он повернулся ко мне и грустно улыбнулся. – Да и в литературе случались тяжёлые и роковые дни. Но вот пришёл из Сибири молчаливый, застенчивый человек Валентин Распутин и сразу приподнял все литературные потолки на десять этажей вверх, на двадцать. Согласен?

– Ну, конечно, конечно, – сказал я и замолчал.

А он продолжал говорить о Распутине, о его книгах, о любви к нему – любви миллионов. И он был прав и прав бесконечно, потому что Распутин был и останется навсегда народным писателем, таким, как Шолохов или Леонов. И в этом нет никакого преувеличения. Я бы даже сравнил судьбу подобных писателей с гигантским генератором, постоянно вырабатывающим Любовь и Надежду, и ещё Верность, глубинную Верность нашему русскому слову. Ведь именно в слове русская душа нашла совершенное воплощение. И примеров таких за тысячу лет – уже море. Но в этом море есть острова, к которым всегда хочется причалить нашему сердцу. И эти острова – книги Михаила Шолохова и Валентина Распутина. И когда я снова и снова открываю и перечитываю его “Последний срок” или “Прощание с Матёрой”, “Пожар” или “Деньги для Марии”, я чувствую их так, словно бы эти страницы были написаны обо мне самом, о моей семье, о моём детстве и моей юности, о моей родной деревне Утятке, о моей незабвенной бабушке Катерине Егоровне. Да, это правда. И всё это вместе зовётся нашей печальной русской провинцией. Но в этой печали много и радости. И она, эта радость, держит нас крепко в своих объятиях, а мы и не вырываемся, потому что держит детство, родительские могилки, держит родной язык, который заходит с улицы прямо в створочку. И это тот самый язык, который и родил на белый свет творчество нашего Валентина Распутина и ту литературу, цель которой – “помочь человеку, дохнуть на него при чтении книги теплом и добром...” Но эти последние слова – слова самого Валентина Распутина, моего дорогого и любимого писателя, моего родного человека. И это родство уже никому и никогда не отнять.

Виктор ПОТАНИН
г. Курган

МУЖЕСТВО ПОБЕЖДЁННЫХ

У Александра Твардовского в его поэме шестидесятых годов “За далью – даль” есть глава, содержащая единственное в своём роде художественное описание. Единственное не потому, что никто ни до него, ни при нём, ни после за такие сюжеты не брался. А потому, что большой поэт и тут, изображая совершенно новую для него картину “покорения природы”, оказался на высоте возможностей своего таланта. С воодушевлением современника и очевидца он повествует о штурме, казалось бы, неукротимой Ангары. Описан день перекрытия русла реки, возведения перемычки, которая послужит фундаментом для будущей плотины – одной из крупнейших в мире. Конечно, в этом отрывке теперь можно различить избыток патетики и риторики. Но разве поэта не оправдывают сами по себе время и место действия? Не он же придумал эту патетику! Ею, как воздухом, дышали тысячи людей – непосредственных участников деяния, может быть, единственного и главного в их жизни. Шофера самосвалов, инженеры, строители дорог, бетонщики,

крановщики – каждый из них в эти часы чувствовал себя героем, существом поистине историческим, живой частицей народа, прокладывающего “путь в светлое завтра”.

Но как же совместить сегодня эти страницы из поэмы Твардовского со свидетельством ещё одного современника – автора повести “Прощание с Матёрой”? Вроде бы, и у того, и у другого – всё та же Ангара. И всё тот же, казалось бы, народ. И время событий почти совпадает. В повести Валентина Распутина – по календарю – всё чуть даже раньше началось и происходит. И поэма, и повесть пишутся в пределах одной литературной эпохи. Даже в границах краткого временного отрезка. А какая ошеломительная несовместимость авторских свидетельств! Что приключилось? Чья правда подкачала?

Проще всего было бы устроить заочный суд над поэмой. Списать, по очевидной её принадлежности к “соцреализму”, в глухой архивный подвал. Как будто и не бывало – ни события, ни его пафосного отражения. Но тогда и повесть распутинская половину, если не всю свою силу, разом потеряет. Если покорения Ангары как бы и не было, то из-за чего, право, сыр-бор? Не помешалось ли прозаику это всемирно-потопное исчезновение Матёры? Не увлёкся ли он чрезмерной символизацией крошечного – в масштабах страны и мира – события?

Не в тех точно словах, но, по сути, с таким именно содержанием заготовленной выволочки встретила публикацию повести критика, идеологически направленная государством. Ведь получалось так, что этот не в меру чувствительный сибиряк своим плачем по какому-то малонаселённому островку покушается подтопить... всю новейшую советскую историю. Он что же – против научно-технической революции, против прогресса? Поперёк поступательного хода социально-исторического развития? Да не пошатнулся ли он умом?

Можно только удивиться, каким чудом Распутин тогда уцелел. Что гадать: отмолил его кто или замолвил за него словечко в тех самых коридорах, откуда началась было проработка? Какими добрыми ни изображай 70-е годы, а и тогда немало народу отбывало сроки за идеологию. Не делалось скидок и для литературно одарённых.

Да при желании двумя-тремя передовицами в центральных газетах и в журнале “Коммунист” можно было накатить такую волну гневных осуждений на рабочих собраниях, в коллективах институтов, среди тружеников села, в кругу отзывчивой творческой интеллигенции...

Но что-то удерживало. Ведь уже вслух говорили и в нашей стране, да и по всему миру об экологии. Уже сотни тысяч обитателей больших городов вкусили “обратной стороны прогресса”, когда реки из-за этих самых плотин и в крепкие морозы отказывались замерзать. Уже в прессу косяком пошли жалобы: берега в водохранилищах подмываются вместе с лесами, резко сократились площади заливных лугов... И так далее, так далее.

У настоящей литературы смыслоёмкость особого рода. Мала повесть о Матёре, но в ней же тогда, по первому знакомству, прочитывался не только великий – от имени всей потрясённой природы – укор самоуверенным её покорителям и победителям. Не меньшей силы укоризна исходила тут и от лица всей крестьянской Руси. Не столько уходящей, сколько грубо сживаемой со свету. Почти вслух презираемой теми, кто величал себя носителями цивилизации, образцовой городской культуры, передовой во всём – от асфальта и метрополитена до шампуров, шампуней и комфортных нужников.

Из столетия в столетие крестьянское большинство России отвечало за её сохранность, благоденствие, по сути, содержало страну, соблюдало её цену трудов своих до кровавого пота. И вот благодарность за всё! Уходите без шума, вы тут больше не понадобится! Не нужны ни те столетия, ни родовая память, что ненавязчиво притулилась к кладбищенским оградкам и крестам.

Это сегодня молодые политические дельцы громко вещают о своём “просвещённом” консерватизме, о верности национальным традициям. А тогдашние идеологи на слово “традиция” глядели как на классового врага, и даже в увлечении фольклором искали опасную скверну (“Гитлер тоже начинал с фольклора!”).

Много-много народной боли сжалось в тесных пределах распутинской притчи. Со страниц “Прощания с Матёрой” та боль свободно перетекает и в другие его повести и рассказы, написанные раньше или позже, в большую

книгу очерков-поэм “Сибирь, Сибирь...” Но такой уж сложилась его литературная судьба, что о ком бы и о чём бы ни писал Распутин, всё устремлено жилами-смыслами к Матёре, и, уместаясь в её словесной плоти, как от сердца расходится вовне, — насыщая жажду правды уже не в одном поколении благодарных читателей.

Да, их теперь у нас, пожалуй, вовсе не большинство, — тех, кто продолжает читать настоящее, а не поддельное. В большинстве оказались те, кто вообще не читает, а тарашится: от темна до темна с полуоткрытыми ртами и выпученными глазами пребывают эти добровольные рабы СМИ (средств массовой идиотизации).

Это они у нас победители. Что им “Прощание с Матёрой”? Или что им та же “За далью — даль”? Для них нет и уже не будет ни Андрея Платонова, ни Ивана Шмелёва, ни Михаила Пришвина. А зачем? У них зато Петросян и Жванецкий, Хазанов и Аллегрова, Галкин и Миткова... Победители тянутся к победителям. Успешные — к успешным.

Трагедия насильственного выдворения крестьян с Матёры им так же безразлична, как ликование строителей ГЭС на Ангаре. И вчерашние колхозники, и вчерашние пролетарии, по понятиям победителей, оказались безнадобности. Работяги своё отработали. Короче... Время лохов закончилось. Короче... Так жить больше нельзя. Короче... Надо оттягиваться по полной. Короче... Ведь мы этого достойны...

Да, надо иметь мужество, чтобы признать: они действительно победили. Иное дело, как долго продлится их самоупоённый бесстыжий кутёж. По всем природным и надприродным законам, мрачное дно распада, как ни прикрывай его мишурой и блёстками, всё равно проступит, рано или поздно. Лишь бы не оказалось поздно для всей страны. И для остального мира тоже.

Как мало кто ещё из его современников, Валентин Григорьевич Распутин сумел проникновенно сказать об одном из самых драгоценных свойств русского человека: о навыке мужественно переносить своё поражение и при этом не отчаиваться, но претерпевать всё до конца — в надежде на спасение.

Юрий ЛОЩИЦ

РУССКОЕ

Я на полтора года был старше Валентина Григорьевича Распутина. Но разве в молодости думаешь о годах? Но и тогда, в молодые годы, мне всегда казалось, что он был старше. Надо было как-то объяснять себе его рано вызревшую мудрость и поразительное мастерство. Уже много позже мы перешли на “ты”. Но мне всегда хотелось и это “ты” произносить с большой буквы; и я всегда вставал, когда он входил.

Конечно, каждый писатель догадывается или знает, что, как и каким образом построено у коллеги, но что делал он уже в своих первых рассказах, анализу почти не подвергалось, потому что анализ был бессилён. О знаменитых повестях не говорю. В его ранних рассказах был какой-то таинственный остаток, некая добавка, магическая субстанция, которая и отличает гениев. Сейчас уже окончательно ясно, и это не правительственно задекларировано, а уяснено и утверждено всем обществом, народом, что это был и последний классик русской литературы XX века, и писатель, внесший неповторимые ощущения от его литературы в сознание почти каждого человека, говорящего на русском языке.

В течение довольно длинной жизни, когда многое случается, но многое и забывается, у каждого литератора есть определённый инстинкт на сокровенное в его профессии. Я помню почти всё, что связывало меня с Распутиным.

Он, как известно, никогда не был в партии, но я хорошо помню его произведшую оглушительное впечатление речь на Съезде Советов, где он говорил о быстрой либеральной конъюнктуре в рядах партийной и непартийной интеллигенции. Вряд ли он защищал партию, но наверняка он защищал уклад, разрушение которого принесло столько горечи и страдания народу. “В ту же землю”... Перечтите этот рассказ, в давние уже годы напечатанный в “Нашем современнике”, и вы поймёте, о чём я говорю. Или его последний роман “Дочь Ивана, мать Ивана”, признанный в Китае лучшей иностранной книгой года. Он всегда защищал справедливость, это удивительное русское всеобъемлющее чувство, и всегда был готов встать за слабого. Как Василия

Белова, начавшего первым, как Фёдора Абрамова, как Крупина, Распутина называли “деревенщиком”. Что лукавая, как правило, городская критика вкладывала в это понятие, я не знаю. Наверное, ещё и качество письма. Деревня в советское время уже дотягивала православный свой срок, но “деревенщики” знамениты даже не характерами и этнографией, в конце концов, многое здесь знакомо, потому что почти вся страна вышла из деревни. “Деревенщики”, в первую очередь, говорили о подзабытом чувстве совести, о забытой морали, главным учителем которой становился православный священник.

Если уж вспомнился рассказ “В ту же землю”, то у меня есть особые воспоминания, с ним связанные. Я тогда прочёл этот и ещё несколько рассказов из подборки, появившейся в журнале, а уж кто выдвигал их на первый тогда международный конкурс “Пенне” не помню. Пенне – это название города в Италии, где шьют самые дорогие костюмы для интернациональной элиты. Боюсь, что точные манекены и наших управителей до сих пор стоят на знаменитой фабрике.

Народ в жюри был строгий: Е. Сидоров, А. Турков, итальянцы. Но особенность конкурса заключалась в том, что когда жюри определило трёх финалистов, а ими на тот раз оказались Людмила Петрушевская, Фазиль Искандер и наш Распутин, то дальше всё решало тайное голосование большого зала в Доме литераторов, куда в субботний день собрали гуманитарную студенческую молодёжь. Тридцать минут по телефону я уговаривал Распутина на этом этапе не снимать свою кандидатуру перед последним голосованием. Я был уверен в его победе, он – нет. Это опять свойство русской природы – пропустить кого-то вперёд. . .

В конце двухтысячных или десятых годов я был в Иркутске, куда Валентин Григорьевич пригласил меня на ежегодный фестиваль или встречу писателей, молодёжи, интеллигенции. Последнее слово я не люблю, хотя и понимаю, что оно означает в своём лучшем и истинном значении. Об этих днях можно было бы тоже написать довольно много. Но выделю только два момента: Валентин Григорьевич сходил со мною к губернатору – а кто-нибудь понимает, что такое получить аудиенцию у губернатора? – и там мы договорились, что в Литинституте будет учиться группа иркутян-заочников, губернатор в те нелёгкие времена согласился оплачивать своим заочникам билеты в Москву и обратно, а область на время поездки – давать ребятам небольшую стипендию. И в эти годы мой семинар прозы, состоявший из мальчиков и девочек, – я тогда работал в Литинституте ректором, – был разбавлен людьми, хорошо знавшими жизнь. В. Г. курировал отбор будущих студентов. Я до сих пор страдаю о том, что эта форма работы исчезла. Что ещё запомнилось в той поездке? Каждого вновь прибывающего из Москвы или другого города приглашённого гостя Распутин днём ли, ночью ли ездил встречать на аэродром сам. Думайте сами, что это было. Всосанная с молоком матери деревенская вежливость? Интеллигентность истинного интеллигента? Русская, не щадящая себя широта характера?

Чем же закончить эти грустные воспоминания? Их можно тянуть и множить, потому что они дороги, видимо, не только мне. В “Литературной газете” в эти траурные дни я уже написал: “Валентин Распутин – это как фундамент в нашей литературе. Он ушёл, и сразу обнаружилось, что кружевная дребедень фальшивых литературных проектов и мнимых имён разлетелась в пух и прах. Он был живым фундаментом того, что называлось русской классикой”. Но у последнего классика русской литературы было и ещё одно качество – удивительная стойкость. Давайте не забудем, что во время “тотального покорения природы”, когда уже созрело решение о повороте сибирских рек в Среднюю Азию, три писателя-богатыря – С. П. Залыгин, В. И. Белов и В. Г. Распутин – повернули вспять решение ЦК КПСС. Хороши бы мы были сейчас, если бы наши русские реки текли в другую сторону!

Сергей ЕСИН

СОВЕСТЬ РОССИИ

Мы не были с Валентином Распутиным близкими друзьями, хотя взаимно уважали друг друга. Но вдруг внезапная боль пронзила меня: я почувствовал, что потерял очень близкого человека. И близость эта заключалась в том, что

он всем сердцем своим любил Россию, болел за её духовное и нравственное возрождение, особенно болел за погибающую русскую деревню, за крестьянство — хребет нации.

Он был поистине олицетворённой совестью России. Я приведу только два примера его честности, благородства и бескомпромиссности.

На заре горбачёвской гласности у нас ретиво травили патриотическое общество “Память”: видные деятели культуры, признаваясь в почвенности, делали оговорку для всемогущих либералов: “Но я осуждаю “Память”.

И только Распутин, один из немногих видных лиц, публично выступил в защиту “Памяти” и русского национального самосознания.

А несколько лет назад вместе с Хатюшиным (и со мной грешным) потребовал суда над плясуньями, осквернявшими русский православный храм. Другие ёжились: “девицы, конечно, не правы, но я — гуманист, их трогать не следует”. Пусть, дескать, пляшут и дальше и плюют в нашу душу.

Уход Валентина Григорьевича — это большая потеря для нашей многострадальной Родины. Горько и одиноко без него.

Владимир ОСИПОВ

* * *

Печальное известие — в Москве скончался Валентин Григорьевич Распутин, перед которым я до сих пор чувствую свою невольную вину.

В конце 1983 или весной 1984 года он позвонил мне и, зная от Крупина о моих творческих связях с Татьяной Владышевской, попросил прослушать в консерватории его дочь Машу, серьёзно занимавшуюся пением. Я договорился об их встрече в Знаменском соборе, где назавтра должен был быть концерт руководимого Татьяной хора церковного пения, но Валентин Григорьевич трогательно признался, что совсем не знает Москву и просит проводить его до места.

Мы встретились у метро “Площадь Революции”. На моё сочувствие по случаю его избрания в Верховный Совет СССР он со смехом ответил, что я единственный сочувствующий, все остальные поздравляют. В соборе были приготовлены места в первом ряду, и когда он вошёл, весь зал встал и разразился аплодисментами. Я на этот концерт не мог остаться — надо было дежурить с грудной дочкой Лизой.

Маша показала выдающиеся музыкальные способности, была принята в Консерваторию, закончила там по двум факультетам и переселилась в Москву. Когда дошла весть о её гибели в авиационной катастрофе в аэропорту родного города, куда она летела из Москвы, я вместе с острой болью почему-то почувствовал свою вину как соучастник в её судьбе и трагической гибели, хотя умом понимаю, что ни в чём не виноват. Упокой, Господи, душу новопреставленного раба Божия Валентина!

Валерий СЕРГЕЕВ

РАСПУТИН ЗАВЕЩАЛ НАМ...

Пришло воистину народное горе. Умер великий русский писатель Валентин Григорьевич Распутин. Хранитель русского языка, хранитель русской литературы, хранитель русской совести. Таким он и запомнится нам навсегда: не просто русским писателем, не просто деятелем культуры, а одним из символов русского народа. Написал он не так уж много, но, как говорится, “мал золотник, да дорог”. Все его повести и рассказы уже давно стали неотъемлемой частью великой русской литературы.

Я познакомился с Валентином Григорьевичем ещё в восьмидесятые годы, бывал у него дома и в Иркутске, и в Москве, бывал на его байкальской даче. Бывал и он у меня в Петрозаводске, ездили вместе по Карелии, а позже и по Китаю. Довелось не раз брать у него интервью для нашей газеты.

Рад, что Валентин Григорьевич доверил мне право сделать инсценировку его знаменитой повести “Прощание с Матёрой” для доронинского МХАТа имени Горького. Спектакль шёл более десяти лет с неизменным успехом. Бывал на этом спектакле и сам Распутин.

Всегда поражали его скромность и такое чисто христианское смирение, при том что от позиций своих он никогда не отказывался, не боясь навлечь на себя гнев правителей. Он равно говорил и с земными «царями», и с коллегам-писателями, и со своими земляками, потому и его повести были истинно народной прозой. Не было в нём никогда и гордыни: мол, знаменитый писатель, гений земли русской... Он был просто одним из крестьян, одним из сибиряков, одним из писателей. А если уж сумел показать трагедию русской деревни, исчезновение старого народного уклада, характер русского человека, значит, и дано было ему от Бога многое. Потому и становятся его слова завещанием всей будущей России: «Кажется, нет никаких оснований для веры, но я верю, что Запад Россию не получит, — писал Распутин. — Всех патриотов в гроб не загнать, их становится всё больше. А если бы и загнали — гробы поднялись бы стоймя и двинулись на защиту своей земли. Такого ещё не бывало, но может быть. Я верю: мы останемся самостоятельной страной, независимой, живущей своими порядками, которым тыща лет. Однако лёгкой жизни у России не будет никогда. Наши богатства — слишком лакомый кусок».

Он и сам жил, писал, и мыслил, как вся Россия — независимо, согласно нравственным законам своего народа, но лёгкой жизни не знал никогда. Сначала в авиакатастрофе 9 июля 2006 года погибла его дочь Маруся, а потом, в 2012 году, умерла супруга Светлана Ивановна. Эти смерти подломили и самого писателя. О себе он уже и не думал, все мысли — о России.

Это и было литературным и гражданским завещанием великого писателя: беречь и хранить Россию, как бы трудно нам ни было. Так и будет!

Владимир БОНДАРЕНКО

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Мы знали о его смертельной болезни, но до последнего мгновения верили в чудо, как сейчас не верим в его смерть...

Не верим, и тяжким, как горловой спазм, усилием всё ещё удерживаем понимание: самое горькое уже случилось... И мы не стесняемся своих слёз...

Это скорбное известие в ночь на 15 марта обожгло сердце, опустошило сознание — скорбь, одна только всепоглощающая скорбь заполняет всё твоё существо, каждый миг твоего бытия, и неполными, приблизительными, бескровными выглядят любые слова прощального, траурного обихода: утрата, невосполнимая потеря...

Пройдут близкие, а за ними и неблизкие сроки, и у всех нас останется чувство, которое выше любой печали, любого соблезнования. Это чувство благодарности жизни за то, что в ней у нас был Валентин Распутин. И что были у нас «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Последний срок», «Деньги для Марии», «В ту же землю»... Благодарность не за то лишь, что это было, но за то, что это остаётся, пребудет.

А разве когда-нибудь забудется, что именно Валентин Григорьевич Распутин дал название нашему альманаху «Тобольск и вся Сибирь»? И в этом было возрождение и возвращение. Ко всему тому, что, по большому счёту, никогда не менялось, о чём и сказал наш великий современник: «Удивительно и невыразимо чувство родины... Не стоять человеку твёрдо, не жить ему уверенно без этого чувства. Без близости к деяниям и судьбам предков, без внутреннего постижения своей ответственности за дарованное ему место в огромном общем ряду быть тем, что он есть».

Именно Слово Валентина Распутина делало незыблемой веру в то, что на скудной почве нынешнего существования явит себя миру не чертополох укора, но «трава молодая» некрикливой, светлой и жертвенной любви к родной земле, к горькому своему Отечеству!

И мы равнялись на это Слово, поверяли им все свои дела и помыслы, и тем радостней для нас была любая весточка от Валентина Григорьевича, любая его оценка нашей деятельности, а его эссе «Возвращение Тобольска» утвердило её содержание на долгие годы вперёд.

Мы счастливы были жить рядом с ним, дышать одним воздухом, хотя и разделяли нас тысячи километров. Да его и не было никогда, не могло быть

этого разделения с тем, кого мы считали, — а Распутин и был им! — духовным губернатором Сибири. Да разве одной только Сибири. . .

Он был и останется им, поскольку бессмертно всё то, что он сделал в своей земной жизни, и каждое его произведение — тот духовный и нравственный багаж, ноша которого не только не тянет, но и придаёт сил. И мы дышим каждым словом Распутина:

“Есть у человека Родина — он любит и защищает всё доброе и слабое на свете, нет — всё ненавидит и всё готов разрушить. Это нравственная и духовная скрепляющая, смысл жизни, от рожденья и до смерти согревающее нас тепло. Я верю: и там, за порогом жизни, согревающее — живём же мы в своих детях и внуках бесконечно”.

И таким теплом согреваемся мы и сегодня, в день великой утраты, принося глубочайшие соболезнования свои всем близким и родным Валентина Григорьевича Распутина.

Молимся и будем всегда молиться и за них, и за него.

**Аркадий ЕЛФИМОВ,
Юрий ПЕРМИНОВ**

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА

Выйдешь ли в поле куда, глянешь ли на воду синюю — мягкую русскую линию в милом отыщешь всегда. Скрипнет ли ночью крыльцо, сердцу не вдруг захолонется — всё-то любимое вспомнится: **Где ты, родное лицо?**

Что-то мне часто невмочь. Спрячу пешню под заплатами; тихо, не скрипнув воротами, выйду на Ою в полночь. На небо перекрещусь; вырублю прорубь метровую; гляну на воду свинцовую — вздрогну; и в избу вернусь. . .

*Реки ли вспять повернут.
Сгинет тайга, не воротится.
Выйдут пахать иль охотиться —
Ил в Иртыше разгребут.
Им ли доспех Ермака?
Нас, незадачливых, хватятся...*

*Пусть же и им она катится
К северу, наша река!
Если же где недород —
Мы ль не поделимся? С радостью!*

*Только б вот — собственной слабостью,
Или столичною пакостью
Не огорчить этих вод.*

*Север ты наш и Восток!
Реки вы наши неузкие!
Только бы силушки русские
Не уходили в песок.*

Это я писал о Распутине — начал писать — тридцать лет назад, когда Роберт Рождественский ещё владел умами.

Сергей НЕБОЛЬСИН

ЖИВЁМ И ПОМНИМ

. . . “Никакая земля не бывает безродной.

Иван Петрович всё шёл и шёл, уходя из посёлка и, как казалось ему, из себя, всё дальше и дальше вдавливаясь-вступая в обретенное одиночество. . .

Издали-далёко видел он себя: идёт по весенней земле маленький заблудившийся человек, отчаявшийся найти свой дом, и вот зайдёт он сейчас за перелесок и скроется навсегда.

Молчит, не то встречая, не то провожая его, земля. Молчит земля.

Что ты есть, молчаливая наша земля, доколе молчишь ты? И разве молчишь ты?"

Так заканчивается повесть Валентина Распутина "Пожар". И вот так и ушёл он от нас – будто зашёл за перелесок и скрылся. И земля приняла его. "В ту же землю" называется один из его рассказов. В ту же землю ушёл и он, в которую и всем нам однажды...

Но это тело – в землю. А душа бессмертна!

А его повести – весть совести! – навеки с нами! Будем жить и помнить страшное и доброе, падение и подвиг, любовь и смерть, как завещал он в великой повести "Живи и помни".

Его "Уроки французского" учат нас русскому отношению к миру и жизни.

Его "Прощание с Матёрой" – наше общее долгое прощание с родиной предков, с той вечной родиной, которая, даже скрытая водами водохранилищ, в разрухе "неперспективных" деревенок, в заброшенности пашен и сенокосов болит в наших сердцах и будит совесть.

Его "Пожар" (написан в 1984–1985 годах) – страшное сбывшееся, предсказание. Не склад сельпо – вся страна запылилась. И в том пожаре, как предсказал Распутин, были воры-предатели и герои, пытавшиеся спасти единую Родину.

Последняя его повесть – "Дочь Ивана, мать Ивана". Горькая повесть о том, как вступилась за поруганную честь дочери мать, русская женщина, взяв на себя страшную миссию: наказать зло. Потому что ни муж, ни сын не смогли в тот час сделать это. И теперь уж нам помнить урок Распутина и жить так, чтобы нашим матерям и жёнам не пришлось вершить правосудие... Но это и урок нашим врагам.

Прощай, дорогой Валентин Григорьевич. Живём и помним.

Дмитрий ЕРМАКОВ
г. Вологда

* * *

С глубоким прискорбием выражаем искреннее сочувствие в связи с невосполнимой утратой, которую понесла русская и мировая литература: не стало Валентина Распутина.

Из земного бытия ушёл человек, который был моральным авторитетом для нескольких поколений читателей не только России, но и многих стран мира. Его творчество, утверждающее идеалы бескомпромиссной совестливости и безграничной преданности своей земле, непревзойдённо. Искренняя доброта и личная скромность – первое, что приходит на память, когда вспоминаем Валентина Григорьевича.

Разделяем горе родных и близких Валентина Григорьевича Распутина и склоняем головы в глубокой скорби.

Борис ОЛЕЙНИК
г. Киев, Украина

* * *

Уважаемые Станислав Юрьевич, Александр Иванович!

Хочу выразить вам, редакции, глубокое соболезнование по случаю кончины великого русского писателя Валентина Григорьевича Распутина. Свой божественный дар, проникновенное русское слово он посвятил одной цели: сбережению русского народа и сохранению русской природы.

Могильщикам СССР–России он бросил в лицо бессмертные слова Столыпина: "Вам нужны великие потрясения, а нам – Великая Россия".

Валентин Распутин прославил русскую женщину, её высокий моральный и нравственный облик, мужество и терпение в преодолении трудностей. Это она, русская женщина, вынесла на своих плечах, и коллективизацию, и индустриализацию, и все тяготы войны. Она не падала духом там, где не выдерживали даже мужчины.

А счастье у неё было подчас коротким, как лето в Сибири.
У Валентина Распутина было много наград, но самая большая – это безграничная любовь народа, которому он служил верой и правдой.

Владимир РОДИН, дипломат

ПАМЯТИ В. РАСПУТИНА

Сегодня я с прискорбием узнала, что классик русской литературы XX века, светлый глубокий человек В. Г. Распутин скончался, и в первое мгновение как будто окаменела, просто не могла поверить услышанному трагическому сообщению. Ещё два дня назад я рассказывала своим аспирантам о нём как о живой личности, о человеке, с которым мне посчастливилось общаться. И вдруг как будто всё перевернулось...

Валентин Григорьевич Распутин – один из первых русских писателей, благодаря которым я вошла в храм русской литературы. Если до личной встречи с ним сильное впечатление на меня произвели его произведения и неповторимые образы персонажей, то после знакомства к этому добавились тихий, сдержанный голос, грустные глаза, в которых запечатлелась человеческая и художническая мудрость, и спокойные шаги писателя. Не знаю, почему мне думается, что именно такая внешность отражает неизъяснимую внутреннюю силу этого человека, его надёжность и благородство духа.

В. Г. Распутин приезжал в Китай трижды по приглашению нашего Союза писателей. Я же лично познакомилась с ним в России, в Москве, в 2004 году. Проходила тогда стажировку в МГУ и собирала материалы для монографии. Мне дали телефон, и я ему позвонила. На моё предложение о встрече он сказал, что надо подумать, а на второй день позвонил сам и пригласил приехать в гости, если есть необходимость в личной встрече. Конечно же, такая необходимость была! Валентин Григорьевич ждал меня в метро. Мы встретились, как будто давно были знакомы. У меня почему-то не было никакой неловкости при общении с великим русским писателем, а что он великий писатель, я понимала давно. Мы сидели у него дома, говорили о культуре, о литературе, русской и китайской. Тогда я как раз читала его последнюю повесть “Дочь Ивана, мать Ивана”, произведение с драматическим сюжетом, с надрывной интонацией. В повести попутно упоминалось и о китайцах. Я тогда хотела поговорить с писателем именно на тему взаимопонимания или его отсутствия между представителями разных народов, носителями разных культур и менталитетов. Тогда повесть получила китайскую премию “Лучшая зарубежная книга XXI века” (2005), и уже было принято решение перевести её на китайский язык. Но, как будто угадав мою мысль, Валентин Григорьевич опередил меня и рассказал, что у нас в Китае всё, что связано с культурными традициями, устроено очень хорошо, что китайский язык не засоряли иностранными словами, как это сделали с русским языком. Писателя тогда очень беспокоило внедрение иностранных слов в родной язык, и он считал необходимой целеустремлённую борьбу за чистоту русского языка.

Второй раз мы виделись с Распутиным в марте 2005 года. Он называл себя “перелётной птицей”, поскольку жил тогда на два дома: зимой – в Москве, летом – в Иркутске. Писатель мне позвонил и сообщил, что уезжает в Иркутск, и при встрече подарил мне картину в каменной рамке. Это была его родина – Сибирь, Ангара и берёзы. И вот в 2009 году вышла в свет наша монография, я передала ему книгу в Иркутск. И в том же году хотели пригласить его к нам, в Далянь, тем более что Распутин тогда изучал ДВЖД, конечная станция которой находится как раз у нас в Порт-Артуре, пригороде Даляня. Но прилететь он не смог, потому что сам был не совсем здоров и очень тяжело болела его жена Светлана Ивановна. Хотела увидеть его и в прошлом, 2014 году, но он уже редко принимал у себя гостей, глубоко переживал гибель дочери и смерть жены. Думала, зачем беспокоить его, если никакой радости его душе не могу принести... Случай вновь был упущен. И больше у меня не будет случая увидеть его на этом свете...

Узнав о его уходе, я поняла, что потеряла очень близкого русского друга и наставника. Ведь именно из творчества Валентина Григорьевича я узнала

столько глубокого и интересного о России, о русской культуре, именно благодаря ему я так близко знакомилась с русской деревенской жизнью, с русской религиозностью, с нравственными истоками русской культуры. Писатель ушёл, но персонажи, вышедшие из-под его пера, его замечательные книги навсегда останутся с нами.

Верно писал С. А. Есенин: “Лицом к лицу лица не увидать. // Большое видится на расстоянии...” Может быть, о вкладе В. Г. Распутина в русскую и мировую культуру и жизнь можно будет точнее судить попозже. Но, по-моему, в современном культурном контексте нравственный идеализм, культурный консерватизм и традиционный реализм В. Г. Распутина оказываются востребованными и даже необходимыми. С ними наша жизнь становится надёжнее, правильнее, духовнее. Светлая память о замечательном писателе и человеке навечно останется в наших сердцах!

Ван ЛИДАНЬ
г. Далянь, Китай

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН РАСПУТИНУ

До сих пор не могу прийти в себя. Не стало Валентина Григорьевича Распутина. Почему-то всё время в эти первые сутки после его ухода вспоминается горький плач новгородцев у гроба святого князя Александра Невского: “Закатилось солнце земли Русской”...

Закатилось солнце нашей литературы. Ушёл последний великий русский прозаик, значение которого для нашей культуры мы и наши потомки ещё не раз будем переосмысливать.

Помню, как в далёком уже девяносто первом я, молодой выпускник филологического факультета, приехал работать в Бодайбо. Для ректора моего вуза и многих преподавателей этот мой поступок был явной глупостью. Ведь у меня был “красный диплом”, а значит, и право выбора места работы. И вдруг Бодайбо – таёжная глушь, “только самолётом можно долететь...” и всё такое. А меня неизясымно тянуло туда, в эту забытую властями, обделённую благами цивилизаций Матёру – мою Родину. И не последнюю роль в том моём выборе сыграла проза Валентина Распутина. Это правда, хотя выглядит это сегодня, пожалуй, как ребячество.

И вот на одном из заседаний методобъединения учителей русского языка и литературы мне надлежало выступить с докладом. Тема произвольная. И я, воспитанный на унавоженной человеческими страстями, залитой вековыми слезами и кровью моего народа, обдуваемой западно-враждебными и либерально-доморощенными ветрами почвы Достоевского, Шмелёва и Распутина, естественно, выбрал доклад о русском национальном характере. Написал, подготовил выступление. Всё чин чинком. В назначенный день читаю свой доклад уважаемым коллегам. И вот некая авторитетная дама из числа самых уважаемых на тот момент бодайбинских учителей-филологов, перебивая меня, с нескрываемым ехидством задаёт вопрос:

– Вы что же, считаете Распутина великим писателем?

– А как же иначе? Разве могут быть сомнения?

Помню, я даже опешил на несколько мгновений. А как, собственно, доказать аксиому, не требующую доказательств? И кому доказывать – землякам-иркутянам? Но и промолчать нельзя – методобъединение всё-таки. Истина и правда не требуют оправдания, но в молчании, как известно, уютное гнездо вьёт предательство.

– Видите ли... Величие Распутина, на мой взгляд, не в его реквиеме по Матёре, по русским старухам, по Дарьям и Настёнам. Тут другое. Он умеет заставить своего читателя быть сопричастным его личному горю, в котором вдруг обнаруживаешь своё собственное горе. Его реквием не по отдельному селу, не по десятку затопленных во благо прогресса деревень. Реквием Распутина громогласно звучит на тихих листах его прозы по нашей памяти, по нашей совести, по нашей вере, наконец.

Не о призрачной Матёре скорбят струны распутинской души, а о каждом из нас. О нашем Бодайбо, в конце концов. Не надо быть футурологом или социологом, не надо быть ясновидцем или там экстрасенсом, чтобы понять: судьба Матёры – это наше ближайшее будущее. Скоро, самое большое через

двадцать лет, наш город уйдёт под воду. Не могучего Витима, нет, под горькие и мутные струи реки Забвения.

– Что вы такое говорите? Как вам не стыдно? Где, простите, подобное вы у Распутина вычитали?

– Как где? В его “Последнем поклоне”, в “Прощании с Матёрой”, в “Пожаре”, наконец. Читайте внимательно, там всё написано. Всё. О нас, о нашей короткой памяти, о нашей зыбкой вере, о нашей совести, залатанной лоскутами равнодушия.

И вот прошло двадцать лет. Город Бодайбо по-прежнему затерян в таёжной непроходимости нашей короткой памяти. Нет, он, к счастью, не скрылся в водах Витима, но и о материальном благополучии золотой столицы Сибири говорить не приходится. Давно сгорел и пока не подлежит восстановлению красавец городской Дворец культуры. Приказал долго жить бодайбинский авиаотряд – это к тому, что “только самолётом можно...” Немым, разрушающимся от времени укором торчат из витимских струй опоры-клыки недостроенного моста. А на приисках? Режиссёрам, любящим снимать эсхатологические пейзажи, настоятельно рекомендую побывать на могиле мараканской драги – некогда самой большой в мире плавучей фабрике по добыче золота. У посёлка Апрельского есть памятник жертвам знаменитого Ленского расстрела. Добыча золота в советское время здесь, у памятника, не велась. Место святое. А теперь отвалы производства грозят засыпать и памятник, и память нашу заодно.

И таких примеров только по одному Бодайбинскому району предостаточно. Что это? Полная неожиданность? Нелепая случайность? Досадные издержки цивилизации?

Да нет, господа-товарищи. Сорок лет назад обо всём этом, обо всём, что произошло и ещё произойдёт с нами, кричал, трубил, выписывал кровью и потом на сострадавшей ему бумаге наш великий соотечественник Валентин Григорьевич Распутин. Последний великий мастер и хранитель народного языка, стыда и памяти.

Низкий поклон Вам, учитель! Низкий поклон. Последний поклон. Простите нас.

Олег СЕЛЕДЦОВ
Бодайбо – Майкоп

* * *

Уважаемые коллеги! Выражаем соболезнование родным и близким, друзьям, всем честным писателям и читателям в связи с уходом из жизни замечательного русского художника слова В. Г. Распутина. Скорбим и помним. Невосполнимая утрата. Но она ещё больше сплотит ряды тех, кто беззаветно служит отечественной литературе с её великими традициями!

Члены Ярославского областного отделения Союза писателей России
Е. Гусев, Е. Чеканов, Ю. Бородин, А. Грешневилов, С. Хомутов и др.
г. Ярославль

* * *

Уход из жизни Валентина Григорьевича Распутина – большое горе, личное для каждого и общее для всех. Редчайший был человек, начиная с внешнего облика, манеры держаться и говорить, глубоко народной и глубоко интеллигентной одновременно. Если кто-нибудь его книг не читал, а видел и слышал Распутина впервые, то вполне мог подумать: вот этот скажет только правду. Он её и говорил.

А в прозе его беспримерное соединение коренного, земного с высшим, небесным. Как пальцы рук переплетённые – не разделить...

Когда живёт в одно с тобой время великий писатель, то чувствуешь, пусть и полусознательно, некую крышу над собой и над всеми. Уж он-то увидит в трудную минуту самое главное, самое нужное и подскажет, как быть. А если он уходит, то все сиротеют вдруг, независимо от возраста. Шолохов. Твар-

довский, Белов... Сострадальцы, печальники, защитники народные. А теперь вот и Распутин нас оставил, и надо жить одним, без него. Но ведь и остался он с нами – в книгах, где и боль его за народ, и дела, и мысли. И даже мы там вписаны и существуем с ним, автором, вместе.

На церемонии прощания было видно, что люди чувствуют сердцем огромность потери, что многие годы Валентин Григорьевич был не только великим русским писателем, но и душой и совестью России.

Юрий УБОГИЙ
Калуга

ЖИВИ И ПОМНИ...

Он никогда не бегал ни от времени, ни за временем. Жил, как Бог поставил (“В старые времена я наверняка был бы на стороне старообрядцев. По консервативному своему складу характера и ума, по согласию с аввакумовским принципом: “До нас положено, лежи оно так во веки веков”. Я даже в юности узких брюк не носил, и не потому, что комсомол не велел, а потому, что мне это казалось нарочитым, вздорным. Понимая прекрасно, что это невозможно и вредно – находиться “за железным занавесом” от Запада, – я втайне тоскую по нему: сколько доброго было бы не изгажено!” – писал он мне 22.12.96).

Он и читал с детства так ненасытно не для цитирования и блеска знания, а чтобы пускать “в дело”. Вводить знание в порядок дня, переводя его в молчание, в небо и землю, словно хотел, чтобы оно наполнило не только человека, но воды и облака, птиц и зверей. Он был и есть в своём деле Леонтьев и Ильин, Данилевский и Аксаков, Шмелёв и Бунин. Тогда как мы часто только в платье “от Ильина”, “от Леонтьева”, как “от Диора”.

Как он верно говорил на предпоследнем Русском Соборе: “Как не преклониться перед мудростью народной, которая века и века указывала направление грозящей России опасности! До чего просто и верно: сверху небо, снизу земля, а с боков ничего нет – оно и продувает. Боковины свои мы и не сумели охранить. Это ещё пушкинская мысль, применительно к традиции: что пребывает в России, то ко благу её, что не вмещается – то соблазн и опасность. От славянофилов и до Столыпина звучало предостережение: “Нельзя к русским корням и русскому столбу прививать чужестранный цветок”, – и не предостерегло”.

Теперь уже навсегда ясно, что это он с горькой твёрдостью и правом поставил памятник русской деревне, утонувшей на наших глазах невозвратно, как Атлантида или Китеж. “Эх, Валентин, нет уже с нами той жизни, тех чувств, той памяти, на которые мы продолжали уповать. Отбыли – и чего уж тут обманывать себя – навсегда”, – это опять из письма 26.06.03. И мы-то ещё, может, и не поняли, что невозвратно, и ещё обманывали себя заплатками, а он уже знал и строил ковчег, чтобы если не “всякой твари по паре” (не оставалось уже никаких пар), то хоть последние народные духовные ценности уберечь. И не в отвлечённом слове, не в элегических воспоминаниях, которые часто отдают самолюбованием и пустым умилением, а в прямом характере. Поставить нас перед лицом, перед Ликом хранительниц избы, деревни, рода и дома, чтобы мы, когда “прижмёт”, знали, где искать наш Светлояр. Куда можно собраться для воспоминания о том, каковы мы были, о том, что такое Россия в Господнем замысле. И последний раз напомнить, как мы были близки к тому, чтобы мир услышал тайну и силу русской правды, о которой он догадывался по книгам Толстого и Достоевского, Шмелёва и Бунина, Распутина и Астафьева, диалога с которой искал, но которую руками своих политиков с нашими подпевалями сам и топил, не понимая, что топил и свой дух, и своё спасение.

Мы уже никогда не будем более так доверчиво чисты, так поднебесно высоки, так просты и мудры сердцем, потому что мир прячется от испытующих глаз в нарочитую сложность. Но изгнанные из рая народной цельности, мы знаем, что это то лучшее, что бережёт и держит нас в жизни, спасает от духовного затопления и поддерживает надежду если не на возвращение (теперь уже навсегда ясно, что в эту святую воду дважды не войдёшь!), то на высветление сердца.

Он, младший из деревенских детей русской литературы, досмотрел этот путь за своих товарищей, с кем выходил вместе, и за тех, кто шёл им и писал земной русский народ раньше.

Оглядываясь сейчас, напоследок, в его творчестве, в его святых героинях я вижу, что, стоя в сердце жизни, он простился не с веком даже, а с тысячелетием, до ниточки высмотрев то святое, высшее, крепительное, чем жила родная Россия, которая никогда не была для него отвлечённостью, а была в разное время Анной, Дарьей, Настёной, Тамарой Ивановной – всегда имем, жизнью, долей и правдой. Всегда любовью и верой.

И как он ценил у Карамзина и не уставал напоминать дорогую мысль: “Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробыёт урочный час, он соберёт свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу”.

**Валентин КУРБАТОВ,
Псков**

РАСПУТИНСКОЕ СЛОВО

А вдруг всё это приснилось, всё, что началось в день его рождения, с пятнадцатого марта. И этот предполночный звонок, и ночное радио, и утреннее телевидение, и храм Христа Спасителя, и люди, люди, и гроб, утонувший в цветах, и Патриарх, и облегчающее душу отпевание и долгий перелет навстречу рассвету. Ангара, Знаменский монастырь, и снова люди, люди, люди, и митрополит, и холм жёлтого песка, и резной Крест, и гора цветов над могилой, и шеренги венков у стен церкви – вдруг всё это приснилось? И это холодное мартовское солнце. И этот мужчина у могилы, земляк писателя, который горестно восклицал, обращаясь к фотографии: “Валентин, а чего же Григорий-то и Нина не приехали? А ты ведь столько им помогал”.

И этот осиротевший Иркутск. Было ли?

Да, всё было. И тяжелейший обратный путь из Сибири к закату.

Давным-давно, не помню от кого, услышал я выражение: “В мире одно счастье – Бог, остальное страдания”. Вначале всё во мне сопротивлялось: а как же радости жизни, и улыбки и книги, реки и моря? Но ведь это всёечно только для Бога, для нас мгновение, вскрик в ночи. Как ни живи, а впереди смерть. Если ребёнок родился, он умрёт. Чему радоваться?

И второе, уже евангельское: “Мир во зле лежит. Злу не положено предела”. Да, так. Конечно, мы верим, что Господь поразит зло, но Он поразит его в полном объёме, а для этого оно и должно открыться в своей полноте. А наше дело спасти себя. Мы на земле в командировке, посланы в неё, чтобы заработать вечную жизнь. Она же есть! Не умер же преподобный Сергей Радонежский и все святые, они с нами.

Валентин Распутин очень любил святого Сергия. Исследователи творчества писателя проходят мимо главного в распутинских трудах, в их духовной наполненности. Она и всегда была. Маленький ранний рассказ “Мама куда-то ушла” говорит о страданиях мальчика, который проснулся и увидел, что он всеми оставлен. Ему кажется, что он одинок, но кто-то же его видит, жалеет его? Конечно, Господь. Тогдашний автор взял на себя всеведение Бога: он был с мальчиком, но тот его не видел. Жалость автора передалась читателям, и они своим состраданием помогают ребёнку пережить одиночество.

Валентин Григорьевич предчувствовал свою земную кончину. “Он лежал и вяло и безпричинно, будто с чужой мысли, мусолил в себе непонятно чем соединившиеся слова “март” и “смерть”. Было в них что-то общее и кроме звучания. Нет, надо одолеть март, из последних сил перемочь эту последнюю неделю”. (Повесть “Пожар”.) Много мартов пережил, нынешний не смог.

Главный секрет его таланта в том, что он глубоко православный, воцерковлённый человек, раб Божий. Его вера была сокровенна. За год до 600-летия Куликовской битвы он был на Поле Куликовом и написал о нём. Затем была работа “Ближний свет издалека” о преподобном Сергии. И это были те вершины, по которым равнялись и остальные труды. Он крестился в Ельце

в 1980 году. Его духовным отцом был великий старец схиеромонах Нектарий, благословивший Валентина крестом последних Оптинских старцев. Многие ли знают, что и Оптиная пустынь была возвращена Православной церкви трудами Распутина. Это к слову сказать тем, которые всячески кусали писателя за “хождение во власть”.

Когда мы читаем о мучениях христиан первых веков, то вот перед нами Распутин – их повторение в наших временах. Его дважды убивали, в Красноярске и в Иркутске, у него умер сын, погибла дочь, тяжело и долго умирала жена, и сам он шёл по лечебницам и больницам как измученный человек, как израненный воин. И при всём том, слышал ли кто от него хоть малую жалобу на болезни? Какой там! Его продолжали мучить, от него требовали постоянного присутствия на каких-то совершенно ненужных мероприятиях, у него рвали предисловия, а вырвав, умильно говорили: “Валентин Григорьевич, берегите себя”. Как беречь, если тут же нападает другой-третий, поглощает его время, изнуряет нервы. Уносит здоровье. Воистину, жил среди писателей-вампиров.

Он был чужд обид на кого бы то ни было. Знал, что во всех своих несчастьях человек виноват прежде всего сам. Знал, что жизнь даётся для подготовки к вечности. Что ничто нечистое в Царство Небесное не войдёт. Что все испытания, беды, посылаются нам для очищения души. Главное – сохранить верность Богу. И что Крест не по силам Господь никому не даёт.

В 2008 году он был в Иерусалиме на схождении Благодатного огня. Как он выстоял в храме Воскресения многочасовое стояние-ожидание в жаре, тесноте, криках, это могло быть только с Божией помощью. Ведь уже и тогда он плохо себя чувствовал. Но всегда потом с радостью вспоминал тот день.

Он человек, которого полюбили и Восток и Запад, как русского человека, спасителя мира. В прямом смысле. Больше миру неоткуда ждать спасение. Только из России и от России.

В силе своей прозы он неподражаем. Как назвать стиль его письма, манеру? Непонятно. Всякие критики тут безсильны. – “Как я пишу? Никогда ничего не выдумываю. Просто вспоминаю”.

Его проза на вершине русской классики. Она – итог не только трехсотлетней истории русской литературы, больше, она захватывает ещё и устный период словесности. Но что главное – его проза – это ещё и прорыв к новым пространствам русского слова.

Это пространство в заботе о спасении человека. От первородного греха. “Адам, где ты?” – воззвал Бог. И возвращение человека к Богу – это и есть его главная его цель.

А для русского слова – возвращение к его главному назначению – слушать достижению этой цели.

Когда будет новый Распутин? Никогда не будет. Он уже был. И остался. Лучше спросить: когда будет писатель такого же уровня? Это зависит от его ожидания. Русский язык способен помогать тому, кто верит в Бога и в Россию. Кто, как Распутин, будет понимать, что дело спасения человека не в политической системе, не в деньгах, не в оружии, не в экономике, а в очищении в себе образа Божия.

И последнее. Значит, Господь любит Россию, если подарил ей Распутина.

Владимир КРУПИН